

Выдержка из книги Московские окрестности, ближние и дальние, за всеми заставами, в историческом отношении и в современном их виде, для выбора дач и гуляния. С. М. Любецкого. Москва. В типографии Идриха, Сретенка, д. Карлова 1877 г.

МОСКОВСКІЯ ОКРЕСТНОСТИ,

БЛИЖНЯЯ И ДАЛЬНЯЯ,
ЗА ВСЕМИ ЗАСТАВАМИ,
въ историческомъ отношеніи и въ современномъ ихъ видѣ,
ДЛЯ ВЫБОРА ДАЧЪ И ГУЛЯНІЯ.

ЗДѢСЬ ТАКЖЕ ОПИСЫВАЮТСЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И БЫТЪ МОСКОВСКИХЪ ЖИТЕЛЕЙ ДОДОВСКИХЪ И НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ:
Гулянья, празднества, увеселенія и другія замѣчательныя событія.
Очеркъ исторіи земледѣлія и садовъ съ древнѣйшихъ временъ.

С. М. Любецкого.

*И я емду на широкія поля,
Тамъ пропадаю такъ и степь на тебѣ.*

— — — — —
МОСКВА.
Въ Типографіи Идриха, Сретенка, д. Карлова
1877.

Из главы XX ...

Описание сада в Горенках. (Современная орфография. Стилистика сохранена.)

....Теперь приступим и к описанию сада в Горенках, для любознательных людей; это относится тоже к характеристике конца прошедшего столетия. Представим сад и здания, окружавшие его в прежнем виде.

Как не удивляться тому, что посреди северного пояса, отдаленного в то время от пособий наук, процветавших в Европе, на пути в пустынной Сибири, найти самый цветущий храм Флоры и увидеть редкое собрание почти всех известных растений земного шара. Двухэтажный дом Графа Разумовского представительной наружности, но он прост; внутренность его соответствует внешности: везде соединена была в нем простота с достоинством и вкусом. Перед домом находилась просторная площадь, обнесенная большим валом и рвом, на которой серебрились вырытые пруды и недавно еще насажденные рощицы, предназначенные для зверинца. Через большие ворота был вход в сени, а сопредельно с ними в оранжерею, находившуюся при комнатах первого этажа и простиравшуюся в длину более двухсот шагов; там красовался искусственный сад (летний и зимний), состоявший из померанцевых и лимонных деревьев, стоявших в трех густых рядах, образующих длинные аллеи. Кто входил туда в первый раз, тому, вероятно, казалось, что он, по какому-то волшебству, перенесся в чудные неаполитанские рощи. Все деревья в этой оранжереи были обременены плодами, которые во множестве снимались с них ежегодно несколько раз.

Из оранжереи был ход на террасу, украшенную мраморными статуями, а далее, на дерновой площади, возвышалась прекрасная, то же большая мраморная ваза. Прошедши английской сад и два моста, устроенные в китайском вкусе, можно было подойти тоже к большому зданию, в котором хранились книги, заключающая в себе правила для садоводства и тщательное собрание трав и семян. Тамошняя библиотека была лучшею во всей России, в отношении богатства книг, относящихся до естественной истории; особенно до ботаники; в этом отношении она не уступала ни одной библиотеке, находившейся во всей Европе; в нее немедленно доставлялись, по распоряжению графа, нововышедшие книги того времени, на разных языках. (1)

(1) Там особенно было много дорогих немецких книг: *Лузитанская флора*, *Таврическо-Кавказская и греческая*, сочинения Гумбольта и Бонпланда, Лилейные растения Редуте, Виниената, Биберштейда и других.

Кроме большого собрания сухих растений, часто умножаемого путешествующими на иждивении графа Алексея Кирилловича, естествоиспытателями, также перепискою, производимою с большою аккуратностью и ботанической меною со всею Европой, находились здесь замечательные травники Потта и Батта, выписанные Графом из Германии, также профессора Дерптского университета Германа и часть травника русского испытателя природы *Палласа*. В собрании семян, сохраняемых в особенной зале, находились преимущественно многие редкие семена, произрастающие в отдаленнейших странах России; они приумножены были Китайскими, Тибетскими, Камчатскими, Японскими и Бразильскими семенами, которые доставлены были путешественниками, сопровождавшими русское посольство в Китай и Крузенштерна вокруг света.

Из семян, привезенных доктором Ренаном из тибетской аптеки и Дангед Орфом из Унлатки, вошли в собрание еще многие редкие неизвестные растения, которых не было еще ни в одном европейском саду. Находящийся несколько лет в западной Персии, на Кавказе и в Крыму, *Стевен* (при котором начал устраиваться Горенковский сад) деятельностью своею споспешествовал обогащению этого запаса. Кроме многих других достопримечательных предметов из всех царств природы, относящихся до естественной науки, там находилось также богатая, в наилучшем порядке расположенная коллекция насекомых.

Далее следует обратить внимание на *теплицы*, число которых доходило до сорока; четырнадцать из них предназначены были собственно до Ботаники, в прочих содержались плодовые растения, например: крупные ананасы, (до двух тысяч) разные виды винограда, костянки (*Steinfrucht*) и т. д. Эти теплицы по большей части были каменные, а ботанические деревянные; они все стояли рядом. Перед ними находилась насыпь для трав, кустарников и деревьев, росших на вольном воздухе; они расположены были по системе Жюсье, так, что одним взглядом можно было обнять все семейства растений в гармоническом средстве их.

Удивительно было видеть, как там растение среднего пояса могли переносить суровость зимы, а напротив того, некоторые растения холодной Сибири не произрастали на открытом воздухе, а требовали для себя места в теплицах. Так иногда природа противоречит сама себе в своем растительном царстве. У каждого растения на палочке находился номер и имя его. Вот какой там был случай: у одного садового ученика обнаружилась по всему телу сыпь, особенно на оконечностях, которая производила сильный зуд, подобно лишаям; эта сыпь, продолжавшаяся несколько недель, произошла от прикосновения росшей там *ядовитой валье* (*Rhus toxicodendron*) (2).

(2) А, приведен он в высокую степень совершенства попечением профессора Гр. Ив. Фишера, приглашенного для этого предмета из Германии. Он издал список растений, находившихся в Горенках, также описание весьма редких достопримечательных растений. Гр. Ив. помещал их частью в *Трудах Общества испытателей природы*. (Москва, Том I до 6-го), частью в журнале *Физико-медицинского Общества*, Том I.

С каким преисполненным души благоговением вступали во внутренность этим святилищ своего рода: незнающий ботаники и ученый знаток её, в ней являлась таинственная, неизяснимая жизнь творений в бесчисленных органических образах, в самых простых, самых нежных, величественных и разнообразных видах; все это доставляло чувства новые, многим неизвестные еще наслаждения и погружало душу в глубокое размышление, в безмолвное умиление. ... Не таков ли был рай? Между тем, как небожник от созерцания дивной полноты растений, от поражающего многообразия, от многообразия неизвестных ему цветочных чашечек и листиков, от гибких вьющихся стеблей и ветвей, от пестрых цветов, от стелящихся, едва видных мхов и стройных, гордых пальм—приходил в изумление—испытатель природы, приближаясь к своим знакомцам, с отрадным чувством свидания, находил там, можно сказать, многих друзей своих, переселенных из разных стран света, подобных которым уж он видал и сам собирал их на Альпах, Гельвеции или в закаленных пустынях Африки, или в величественных

девственных странах Америки, на утесах Шимборазо. От иссопа до кедра, от малейшего папортника до благороднейших растений тропиков—все здесь можно было найти.

Зритель, и незнакомый с ботаникой, с большим любопытством останавливался при финиковом дереве, при кокосовой и саговой пальме, при различных бананах, при сахарном и бамбуковом тростнике, при чайном кустарнике, при казаурине восточных островитян, при крепком, подобном железу, шелковом льне, растущем в Новой Зеландии, при разных кустах хлопчатника, при красном и при камфорном дереве, при драконнике и при индийском орешнике. Там все удивлялись, смотря на вечно движущийся раздражительный копешник, там отведывали листья квассии, корицы и многих других растений, там видели выющуюся ваниль, цветущую в первый раз в Европе. Все теплицы были наполнены благовонием пахучей маслины, которой Китайцы иногда приправляют чай.

Растения, которые переносят зиму, посажены были в саду порядками, но главная часть их собрана в семи отдельных строениях, в 16 оранжереях, в которых находилась разная температура теплоты. Из теплиц каждая была в длину от 50 до 70 Футов, но самая обширная из них, особенно кидалась в глаза: высота её простиралась до 40 Фут., окружность же представляла вид восьмиугольника; вверху, кругом, выстроена была галерея, в которой можно бы было обнять взором весь тропический лес, т. е. деревья, растущие под тропиками, и видеть величавый барбадский кедр и другие чужеземные произведения природы.

В галерею сделан был вход по лестнице из сеней этого ботанического храма и чрез несколько прекрасных комнаток, находившихся в одинакой высоте с галерею, там повешались ботаники, как жрецы храма, созерцая чарующую красоту южных стран. С какою заботливостью старались они об том, чтобы деревья и, вообще, большие растения имели нужное для себя пространство, в отношении естественного роста их в высоту и толщину. Это здание отапливалось двумя чугунными печами, вес которых простирался до 200 пудов; во всех оранжереях и теплицах было от 8 до 9 тысяч различных видов растений; удивительно, каким образом это громадное заведение в короткое время могло достигнуть до такого совершенства; в продолжение 10 лет развитию его споспешествовало ревностное влечение к ботанике самого хозяина, который не щадил для того никаких издержек, и удачный выбор ученых ботаников, которым поручил он заботиться о благосостоянии своего заведения. В самом конце прошедшего столетия сделан был первый опыт ботанической оранжереи профессором Стефани (находившемся тогда в Москве), но этот зародыш не мог обещать в скором времени богатых плодов; преемником Стефани был доктор Редовской (слишком рано для наук умерший в Камчатке); перепискою своею с славнейшими ботаниками того времени, преимущественно с английскими садоводами, доставил он вскоре начатому делу благоприятное направление и собрание растений обогатил множеством новых предметов. Еще до путешествия своего с русским посольством в Китай, для которого нарочно вызван он был президентом Петербургской академии наук, в помощники к нему поступил доктор Фишер, - о котором было уже упомянуто, - приглашенный в Москву из Гальберштата по рекомендации доктора Шпренгеля. Приведенным в совершенство богатством растений, пристойным и искусственным содержанием, своим Горенковский сад обязан был единственно заботливой деятельности Гр. Ив. Фишера. Из всего этого видно, какие успехи могут произойти от глубокого знания своего дела, соединенного с любовью и влечением к нему. Научные знания свои употреблял Фишер не только технически, но с истинным философским духом; нигде, кажется, не обращалось столько внимание на физиологию растений и на взаимные их отношения, как в Горенковском саду.

Для распространения и обогащения сада растениями, командировались графом ученые ботаники во всю глубину и в окраины России, богатой своими природными сокровищами в этом отношении.

Доктору Фишеру дан был в помощники доктор Лондес из Геттингена, но он вскоре умер на пути к Кавказу. Из числа находившихся в северной Сибири путешественников, доктор Таушер доставил богатую добычу из окрестностей Индерского соляного озера, находящегося в Киргизской степи. К этим соревнователям улучшения сада прибавим служившего в московском университете Гельма. Под управлением Фишера трудился весьма искусный садовник Пельцель, из Франконии; с ним работали 34 садовника, большею частью крепостные люди графа; сверх того, каждое лето более 70 работников занимались украшением английского сада, извивавшагося чрез большой парк многими кривыми дорожка-

ми; английский сад был также богат прекрасными прудами и каналами, с перекинутыми через них фигурными мостиками.

Ежегодное содержание сада стоило графу более 50,000 тыс. рублей; но цена всего этого заведения простиралась до пол-миллиона, не полагая в этот счет построение увеселительного, обширного, каменного, в три этажа с флигелями и службами дома. Устройство английского сада, зверинца и пр. ценили более миллиона рублей. Одна кора для гряд, привозимая туда во многих сотнях возов из московских кожевен, стоила более 2000 руб. в год, не считая дров, которые вывозились из собственных лесов графа; их употреблялось собственно для ботанических теплиц более двух тысяч сажень; одно доставление их на место составляло издержку, простиравшуюся до 15 тыс. руб.

В 1810 г. доктора Фишер, Гофман и Либошиц, соединенными стараниями с лучшими учеными мужами в Европе, учредили *фитографическое общество*, занимавшееся описаниями растений, чтобы расширить полезный круг ботанических занятий и чтобы доставить в них участие всем, занимающимся этою наукой и распространять сведения посредством теснейшей связи с ботаниками всех стран света. При всем том, в Горенках устроена была, содержащая в наилучшем порядке, больница с аптекою. Учреждение этого заведения служит доказательством тому, что граф Разумовский, стараясь увеличить и довести до цветущаго состояния Горенки, не упускал из вида помогать страждущему человечеству. При аптеке постоянно находился доктор. В особом отделении Флигеля помещено было богатое собрание минералов, расположенное в систематическом порядке.

По смерти Графа, этот сад стал клониться к упадку: гербарии и библиотека были оттуда вывезены, а профессор Фишер отозван в Петербург, где поручен был в его ведение, находившийся на Аптекарском острове, огромный ботанический сад. В 1812 г. Горенковский сад много потерпел от неприятелей и после остался без поправок и дополнений.

В заключение описание этого образцового сада заметим, что Московские жители имеют побудительные причины, преимущественно пред другими, питать любовь к растениям при хороших пособиях науки и при богатстве московской Флоры; но охота, влечение к познанию травы и цветов тогда водворяются, тогда принимают полное развитие, когда ими занимаются, как наукою систематически.

Граф сам привозил и приглашал к себе в Горенки знакомых своих гулять и гостить, кушать плоды: оранжевые дыни, пудовый арбуз кровавого цвета, янтарный виноград, пушистые персики и абрикосы, не только летом, но и зимою; можно представить себе, как приятно поражены были посетители этой местности, проезжая снежные сугробы, осыпанные снежною метелью или охваченные ветряным ураганом — входя в зимний сад громадной Горенковской галереи, дышащий теплом и благоуханием разных цветов и видя перед собой тропический лес, в котором мелькали созревшие плоды: золотистые ананасы, померанцы и прочие, молочно-белые, глянцевитые, как атлас лилии, как алели, нежились и нежили собою взоры роскошные, пышные розы и пурпурные гвоздики;—там был, как - будто остаток богонасаждённого рая, вечная улыбчивая весна. В настоящее время жрецы ботаники и все любители растительного царства могут приходиться в Горенки только, как на кладбище, для поклонения, где похоронен дорогой прах друзей их,. Оранжерей там давно уже нет, впрочем остался еще прекрасный парк. Это селение принадлежит теперь г. Третьякову, у которого заведена там большая бумагопрядильная фабрика. Sic transit glori mundi!.. Прежде все тамошние окрестные деревни принадлежали графу Разумовскому. Близ Горенок, на Стромьинской дороге, некогда существовал дворец царя Алексея Михайловича; следы его видны доньше; полагают, что из развалин его там выстроена церковь. Это село называется Пахра, а близ него находится село *Щитниково*, ничем особенным не замечательное; говорится: иная деревня стоит хоть на горке, да хлеба в ней нет ни корки, в роде какой-нибудь мордовской деревушки.

Наконец, вспомним, что в Горенках венчался Князь Иван Долгорукий с Натальей Борисовной, урожденной Графиней Шереметевой.....